

МАРК
БЕРКОЛАЙКО

**Шакспер,
Shakespeare,
Шекспир**

Роман о том,
как возникли
шедевры

Марк Берколайко
Шакспер, Shakespeare,
Шекспир: Роман о том,
как возникали шедевры
Серия «Самое время!»

текст предоставлен издательством

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=26719607

*Марк Берколайко. Шакспер, Shakespeare, Шекспир: Роман о том, как
возникали шедевры: Время; Москва; 2018
ISBN 9785969116849*

Аннотация

«Ромео и Джульетта» и «Гамлет», «Отелло» и «Король Лир», «Зимняя сказка» и «Буря» и много-много других знаменитых пьес... Так все-таки кто же автор гениальных трагедий и волнующих драм, уже более четырех веков привлекающих внимание зрителей и читателей? Не очень заметный актер Уилл Шакспер, родившийся в Стратфорде-на-Эйвоне, почти всю жизнь проживший в Лондоне, но в 1612 году вернувшийся в родной город и умерший там 23 апреля 1616 года? Или писавший под псевдонимом Shakespeare некто высокородный и высокообразованный (в число «драматургов» включали королеву Елизавету, Фрэнсиса Бэкона, Кристофера Марло, графа

Саутгемптона, Мэри Герберт Сидни, графиню Пемброк, графа Ратленда и его жену Элизабет, – и это далеко не полный перечень)? В новой книге Марка Берколайко к разгадке тайны авторства случайно прикоснулся молодой ученый из XXII столетия, который с помощью устройства, улавливающего звуки из далекого прошлого, услышал, как создавались шедевры.

Содержание

Информация от издательства	5
Глава первая	7
Конец ознакомительного фрагмента.	29

Марк Берколайко Шакспер, Shakespeare, Шекспир

*Моему школьному другу, поэту и переводчику
Александру Гричу – с благодарностью за прекрасное
общение через многие тысячи километров*

Информация от издательства

Художественное электронное издание

16+

Берколайко, М. З.

Шакспер, Shakespeare, Шекспир: Роман о том, как возникли шедевры / Марк Зиновьевич Берколайко. – М.: Время, 2018. – (Серия «Самое время!»).

ISBN 978-5-9691-1684-9

«Ромео и Джульетта» и «Гамлет», «Отелло» и «Король Лир», «Зимняя сказка» и «Буря» и много-много других знаменитых пьес... Так все-таки кто же автор гениальных трагедий и волнующих драм, уже более четырех веков привлекающих внимание зрителей и читателей? Не очень заметный актер Уилл Шакспер, родившийся в Стратфорде-на-Эйвоне, почти всю жизнь проживший в Лондоне, но в 1612 году вер-

нувшийся в родной город и умерший там 23 апреля 1616 года? Или писавший под псевдонимом Shakespeare некто высородный и высокообразованный (в число «драматургов» включали королеву Елизавету, Фрэнсиса Бэкона, Кристофера Марло, графа Саутгемптона, Мэри Герберт Сидни, графиню Пемброк, графа Ратленда и его жену Элизабет, – и это далеко не полный перечень)? В новой книге Марка Берколайко к разгадке тайны авторства случайно прикоснулся молодой ученый из XXII столетия, который с помощью устройства, улавливающего звуки из далекого прошлого, услышал, как создавались шедевры.

© Марк Берколайко, 2018

© Валерий Калныныш, оформление, 2018

© «Время», 2018

Глава первая

Марк, 2112 год

Лениво пролистывая записи своего прадеда, тоже Марка, покинувшего наш мир до того, как в нем появился я, наткнулся на фразу, которая почему-то заинтересовала: «Итак, Алеф – это состояние озарения, Ламед – игры, Реш – осмысления, а певучее “АлефЛамедРеш” отныне заменяет для меня изрядно затертое слово “творчество”; тем более непрошено вторгшееся в русский язык “креатив”».

23 апреля 1616 года

Уилл Шакспер, последние часы жизни

Ясно помню: 25 июня 1612 года на последнем перегоне до Кембриджа дряхлые лошади плелись так медленно, что чудилось, будто они вообще не передвигаются, а беспомощно переступают с ноги на ногу. И будь я вовеки проклят, если бодрое урчание моего пустого брюха не слышалось при этом явственнее, нежели перестук копыт, от древности своей едва ли не поросших мхом.

Копыта, поросшие мхом, – неплохой образ. Однако – даже сейчас, почти четыре года спустя, уверен – Роджер и тут возразил бы...

«Эй, Уилл! – помнится, одернул я себя. – Брось ты, наконец, с ним тягаться по поводу того, какой образ хорош, а ка-

кой плох! Сидишь себе на крыше дилижанса – и сиди! Дремлешь – и продолжай дремать! Мучаешься болями в спине, отзывающейся на все ямы и ухабы, – так тебе и надо! А еще после ночлега в Харлоу, в постоялом дворе при трактире “Митра епископа”, у тебя не было ни крошки во рту, только пьешь изредка, чтобы хоть на время унять рык пустого живота, – ну так и нечего было срочно пускаться в неблизкий путь! Но нет же, воспрянул, понесся... скучно тебе, дураку, живется без его придирок и ее улыбок».

Записка, полученная мною накануне, была такова:

Shakespeare-джентльмену

Новость первая. Ровно месяц назад присутствовал на отпевании горбуна Сесила – и мое грызущее душу желание полюбоваться его рожей в гробу наконец удовлетворено. Новость вторая, приводящая меня в отчаяние: Бэкон по-прежнему член парламента и, как говорят, ценим монархом. А третью новость ты узнаешь, если завтра приедешь поуужи-нать ко мне в Кембридж. Рассчитывай погостить сутки – и мы, надеюсь, успеем славно, как встарь, поработать.

Shakespeare-леди к приглашению присоединяется.

С почтением, Shakespeare-лорд

Да, точно, так тогда, в июне 1612-го, и было: вспомнив содержимое записки, встрепенулся, будто оно меня толкнуло. Или это колесо дилижанса угодило в очередную яму?..

Встреппенулся и подумал, что я все же более христианин, нежели Роджер Мэннерс, поскольку в смерти горбуна Роберта Сесила, 1-го графа Солсбери, лорда-секретаря при покойной королеве и лорда-казначая при нынешнем короле Якове, ничего радостного не нахожу; предпочитаю свадьбы и рождения.

Потом представил себе, как зло накинулся бы на меня Роджер: «Бодрое урчание пустого брюха – сомнительная острота. Но копыта, поросшие мхом... значит, зеленые... эх, куда тебя занесло! Такое освистали бы и в “Глобусе”, и во втором твоём театре, “Блэкфрайерсе”. Мне, кстати, казалось, что назвать театр “Черные монахи” – в честь расположенного когда-то в том месте монастыря – это верх безвкусицы и превзойти такое невозможно. Но “зеленые копыта”... Ты превзошел, мои поздравления!»

Как же на душе стало погано, а потому пришлось отпить глоток воды из бутылки, иначе не избавился бы от ощущения, будто рот мой – это переносная бадья, в которую состоятельные господа, когда им вдруг приспичит, мочатся прямо на улице!

Отпил. Но полегчало не после этого, а когда стал мечтать о том, как, услышав поносящие меня, Shakespeare-джентльмена, слова ее мужа, Shakespeare-лорда, очнется от сомнамбулических мечтаний Shakespeare-леди... и на первой же гласной голосок ее зазвенит, как колокольчик, который внезапно извлекли на свет божий из бездонного сундука: «Ты неспра-

ведлив, Роджер! Когда лошади долго пасутся на весеннем лугу, их копыта зеленоваты от сока приминаемой свежей травы».

Что, чертов лорд, съел?! А вам спасибо за заступничество, миледи Элизабет! Спасибо, Бетси, – так я называю вас мысленно. Но только мысленно!

Я – джентльмен, а не вертлявый французский дворянчик, чтобы амикошонствовать с великой дочерью великого человека... Есть у них, у вертлявых, такое же вертлявое словцо – «амикошонствовать»... нет чтобы сказать попросту: «быть запанибрата»...

Хорошо еще, что жажда не донимала – наполненная в Харлоу бутылка с водой пустела медленно. Конечно, будь она наполнена сладким хересом, пустела бы быстрее – но в «Митре епископа» это обошлось бы мне в полукрону, хотя успею я наполнить такую же бутылку в Лондоне, в таверне Марко Луккеше на Харт-стрит, с меня взяли бы только два шиллинга.

Откуда в вас столько безрассудного корыстолюбия, придорожные крысы? Почему вы решили, будто сэра Уилла Шакспера согласен переплачивать целых шесть пенсов?! Да, помнится, трактирщица, вообразив, будто это приведет к благим для ее кошелек последствиям, весьма искусно вертела передо мною пухлым задом... Только ведь, проказница ты блудливая, сэру Уиллу Шаксперу в июне 1612 года было уже сорок восемь, и он отлично понимал, что к чему в этом лучшем

из миров и, главное, что почем! Понимал, в частности, что зад любой, абсолютно любой пухлости стоит дешевле шести пенсов!

Однако в силу этого понимания приходилось с раннего утра обходиться водой из ручья, все еще прохладной, хотя июньский денек выдался на редкость жарким.

Жарким, как очаг, любимое мое место в доме Роджера на Сент-Эндрюс-стрит.

Как очаг, на котором – надеялся я – поспеет к моему приезду ужин, которым – надеялся я – мой измаявшийся желудок вполне утешится...

«На котором... которым...» – вот же ведь сам, без колкостей Роджера, понял тогда, что фраза не сложилась. «Ну так и черт с ними, фразами – и с гладкими и с корявыми! – решил категорически. – Главное, на столе найдется место и для вкусной еды, и для столь ценимого мною и сэром Джоном Фальстафом сладкого хереса, и для моего именного кубка, огромностью своею не соответствующего прочей изысканной сервировке».

Именно поэтому я всегда пил из него с особым удовольствием.

Однако на почтовой станции Кембриджа меня ждало подлинное бедствие!

...Ежели «вскарабкаться на» отражает результат мучительно медленного подъема, то можно ли, основываясь на

том же инфинитиве «карабкаться», как-нибудь означить мучительно медленный спуск?

Даже если и нельзя, все же попробую, хотя тогда, в июне 1612 года, не пробовал – было не до инфинитивов и какого-либо словотворчества.

Так вот: я не смог «скарабнуться» с крыши чертова дилижанса! Более того, даже сползти с нее не попытался! А яркие представители племени придорожно-дорожных крыс – кучер и фореитор, – ссылаясь на мою дородность, отказались сгрузить меня менее чем за шиллинг, то есть за половину той суммы, что я сэкономил, отказавшись от удобного места внутри кареты...

«Так будьте же благословенны мой отменный аппетит и тяга к хересу – но будьте одновременно и прокляты столь разорительные их последствия!» – помнится, стонал я тогда. Стонал еще и потому, что мужланы не спустили меня на землю, не сбросили и даже не сверзили – а буквально скovyрнули, нимало не заботясь о моем окаменевшем хребте и онемевших ногах!

Перед тем как сделать первый шаг по неприветливой земле Кембриджа, взглянул на белесое небо – и солнце показалось мне яичным желтком на огромном блюде, по которому растеклась слизь белка. А уже она, переменчиво загустевая то здесь, то там, образовывала неплотные, летучие облака.

Потом опустил глаза, но не долу – вот еще! – а на уровень своего немалого, хоть и умаленного согбенностью хреб-

та, роста. И ничего хорошего не увидел – только стайки несущихся навстречу студизусов и бакалавров, в подавляющем своем большинстве имеющих отношение к обучающему юриспруденции, то есть крючкотворству и облапошиванию, Куинс-колледжу. Ноги этих существ – тощенькие, облаченные в штаны традиционного для альма-матер зеленого сукна, – делали их похожими на проворных кузнечиков, однако наглые, безбородые рожи свидетельствовали не о стремлении поесть и спариться, столь естественном для всего живого, а о явном намерении поживиться за счет остатков моей молодости и сил, изъять их – полностью и навсегда! – будто бы в погашение неведомо откуда взявшихся долгов.

«Каких таких долгов, мерзопакостники?! – вопил я им мысленно. – Уймитесь! Уилл Шакспер никому и ничего не должен! Так не толкайте же несчастного Уилла Шакспера, не наступайте на его мозоли! Дайте ему отохаться, добрести до Сент Эндриус-стрит, поужинать, залить плохое настроение хересом и узнать, наконец, третью новость.

Наверняка недобрую, ибо иных Роджер Мэннерс для Уилла Шакспера не запасал и запасать не будет»

Марк, 2112 год

Заинтересовавшись той фразой об «АлефЛамедРеш», начал записи прадеда Марка уже не пролистывать, а перелистывать – и буквально на следующей странице обнаружил вот что.

«Сотни лет шекспироведы, несть им числа, делятся

на два лагеря: стратфордианцев, утверждающих, что гигант Shakespeare – это не очень заметный актер Уилл Шакспер, родившийся в Стратфорде-на-Эйвоне, почти всю жизнь проживший в Лондоне, но в 1612 году вернувшийся в родной город и умерший там 23 апреля 1616 года; и антистратфордианцев, неустанно подыскивающих на роль великого поэта и драматурга кого-нибудь высокородного и высокообразованного.

В числе этих “других” – поодиночке и в разных сочетаниях – побывали: королева Елизавета, Фрэнсис Бэкон, Кристофер Марло, граф Саутгемптон, граф Дерби, граф Оксфорд; Мэри Герберт Сидни, графиня Пемброк; сэр Уолтер Рэли, граф Ратленд и его жена Элизабет... Проще сказать: кто только не побывал!

Антистратфордианцы свирепы, они не отпускают бедному Уиллу и доли авторства в создании гениальных пьес и стихов; он для них – всего лишь циничный “торговец именем”, сколотивший на этом недурное состояние... на этом, а попутно – на “продюсерстве”, а еще попутнее – на спекуляциях всем, чем можно было тогда спекулировать, законно и не очень.

Стратфордианцы же в отношении Шакспера – максималисты, они считают, что все “шекспировское” написано им и только им. Да, признают, что часто заимствовал сюжеты и отдельные фрагменты у предшественников и современников, но тогда, утверждают они, все так поступали. Заимствовали, обвиняя друг друга в плагиате – но не в судах, а в бесчисленных памфлетах; иногда же, случайно

сталкиваясь в какой-нибудь таверне, пускали в ход кулаки и кинжалы.

Поразительно, что так много умных людей больше двух веков сражались и сражаются под девизом: “Или Шакспер – или кто-то другой”, но почему-то не звучали голоса, предлагавшие всерьез рассмотреть вариант “и – и”».

Нет, Shakespeare – это редчайшая суперпозиция невообразимого таланта, огромного интеллекта и той интуиции, что дана женщинам. Так что же, их было трое?»

Еще час назад я не представлял, как это будет.

Теперь с трудом верю, что это есть.

Нет, конечно же, две узконаправленные параболические антенны с поверхностями из самых совершенных наноматериалов вовремя поднялись на нужную высоту и оказались ориентированы правильно; фильтры и декодер способны выудить полезную информацию из самого зашумленного сигнала – это уже факт, приятный факт, но результат все равно ошеломляет!

Одна антенна «шарит» по излучениям в диапазоне 4–7 герц – с ума сойти! Ведь лет тридцать назад радиофизики планеты покатались бы со смеху, узнав, что можно попытаться уловить такие сверхдлинные волны, да еще и генерированные пятьсот лет назад, да еще и плохо локализованным источником!

А потом бы икали, обессилев от хохота, если бы им сообщили, будто вторая антенна ловит излучения

из того же источника и того же срока давности, но в диапазоне чудовищно коротких волн, примерно 429 терагерц, – и, что самое главное, удастся еще и успешно совмещать эти два потока информации!

Поведав же одним из ныне существующих способов Экстренного Оповещения, что на мониторе при этом возникает вполне связный текст на русском и на переделанном для всесветного общения языке, который все еще именуется английским... и что повествует этот текст о происходившем во времена Shakespeare – то всем этим я ввел бы радиофизиков планеты в состояние когнитивной сумятицы: «Этого не может быть – но это есть – этого не может быть никогда – но это есть».

Впрочем, зачем ограничиваться радиофизиками? Зачем бесконечные бы да кабы? – вперед, в Систему Экстренного Оповещения, – и пусть многие увидят, пусть все увидят то, что вижу я!

Уверен, через считанные минуты многие бросят дела и видимость дел и станут придатками мониторов, где бы они, мониторы, ни находились: перед глазами или перед тем, что их заменяет; внутри того, что еще можно назвать мозгом, или внутри того, что полностью его заменяет.

23 апреля 1616 года

Уилл Шакспер, последние часы жизни

Господи, как же давно появился в моей жизни Роджер Мэннерс, 5-й граф Ратленд!

...Труппа «Слуги лорда Стрейнджа», самая, пожалуй,

крепкая по тем временам, давала в Гринвиче, в королевском дворце, обе части «Тамерлана Великого». Актеров не хватало, а потому я, всего лишь помощник суфлера и слуга, принимающий лошадей высокородных зрителей, исполнял сразу две короткие и почти немые роли: в первой части представления – царя Алжирского, а в столь же длинной второй – царя Иерусалимского... благо эти, с позволения сказать, властители, на сцене не пересекались – алжирский недотепа к моменту появления недотепы иерусалимского был уже Тамерланом благополучно уничтожен.

Пятидесятишестилетняя девушка Елизавета Тюдор, наша добрая королева Бесс, задремала еще в середине первой части – и чем яростнее игравший Тамерлана трагик Эдвард Аллейн рычал и завоевывал, завоевывал и рычал – тем крепче становился сон старушки, давно уставшей воевать, хотя рычать, вернее визжать, она не устала до конца дней своих... И вот державная рука повисла, цепкие пальцы разжались, а белый, украшенный позолоченными вензелями платок упал...

Упал! Жалкой тряпицей лег на затоптанный каменный пол! А ведь совсем недавно постаревшая уродливая женщина – но королева, высокочтимая королева моей любимой Англии! – подносила его к тонким запавшим губам и прикрывала тягучие зевки, делая при этом, однако же, вид, будто аккуратно промокает ноздри ястребиного носа.

И вдруг! Жалкой тряпицей?!

Не в силах это видеть, я, помнится, завопил что было мо-

чи:

– Подать платок! Сестре моей! Великой!

Никогда в жизни не вопил так громко, и единственный раз в истории рода людского повеление царька Иерусалимского было молниеносно исполнено персоной ранга Цезаря. трагик, забыв о хромоте своего героя, рванулся к ложе, пал на колени, благоговейно поднял кусок тончайшего батиста и, дрожа от безмерности доставшегося счастья, подал его проснувшейся Бесс.

Это было символично – свирепый завоеватель Востока на коленях перед королевой Англии!

И в этом был Театр!

А аплодисменты, какие гремели аплодисменты! – ни одному написанному Кристофером Марло монологу, ни одной сочиненной им в «Тамерлане Великом» сцене не аплодировали так долго и так громко!

Даже сейчас, через двадцать три года, не на сцене, а близ Сент Эндрюс-стрит нашего славного Кембриджа, клянусь самому себе, всему миру и Господу: впервые тогда я испытал наслаждение, пьянящее сильнее, чем херес, – оттого что всего несколько вроде бы случайно выпаленных слов вдруг объединили в едином взлете духа венценосную особу, благородных лордов и леди, высокомерных господ и их подобострастных слуг!

В тот же миг я понял, что более всего на свете хочу быть драматургом!

...А после представления, когда я суетился во дворе королевского дворца в Гринвиче, поддерживая стремя у садящихся на своих скакунов господ (а некоторых, чрезмерно отяжелевших от вина и снеди, водружал в седло, что уж греха таить!), ко мне подошли юнец и подросток.

Наряжены они были в штаны и камзолы цветов колледжа Святого Джона – и голубой вроде бы свидетельствовал о высоте помыслов, однако вкрапления алого предупреждали о будущей приземленности деяний. Что же до излишне ярких проблесков золотого, то они будто бы намекали, что для толпы сойдет и сусальное, однако есть, есть где-то тщательно сокрытая от любопытствующих взглядов червонность.

Но даже сейчас, по прошествии двадцати лет, накануне того, как предстану перед судом Господним, признаю: не выглядела подошедшая ко мне парочка смешной. Нет, ей, в чем-то чуждой и знати и челяди, хотелось посочувствовать – как двум философам, упоенно беседовавшим в садах Академии, но вдруг оказавшимся случайно на лужайке, где красуются важничающие павлины.

И дабы не отличаться слишком уж вызывающе, вынужденным сменить белоснежные тоги на одеяния расцветок столь же вычурных, как у распустившихся вокруг них хвостов...

– Ты... э-э-э... разродился неплохим экспромтом, паренек! – обращаясь ко мне, как к навсегда младшему, промямлил подросток, оттягивая нижнюю губу без малейшего сле-

да прорастания под ней будущей бородки клинышком... а ведь на моем подбородке таковая уже давно закудрявилась. – Ты... э-э-э... многообещающ, паренек! Во все пять часов сводящей скулы... э-э-э... скуки единственным живым эпизодом был этот экспромт с платком... Странно, кстати, что забулдыга и забияка Марло сочиняет подобную мертвечину, вы не находите, мой Саутгемптон?

Последнюю фразу он произнес не мямля и не экая, а вполне живо, по-французски, но я, хоть и не говорю на этом жеманно-картавом языке, все же усвоил его достаточно, чтобы понять сказанное, чтобы обидеться за Кристофера, которого в то время боготворил, – и при этом возликовать, поверив вдруг, что мне суждено превзойти его, как, впрочем, и всю прочую строчащую пьесы и вирши братию.

– Нахожу, юный Ратленд! – тоже по-французски промолвил юнец.

И они удалились, не дожидаясь от меня заурядного «Спасибо за комплимент, милорды!» и даже не спросив мое имя.

По боковым сторонам прямоугольного двора нестройными шпалерами стояли слуги – и в неровном свете факелов, которые они держали в высоко поднятых руках, неспешно удаляющаяся парочка отбрасывала странные тени.

И в какой-то момент черный, распластаный на земле человек-подросток перерос человека-юношу, а потом и вовсе стал нечеловечески узким и длинным... как копьё, острие которого вонзилось в отбрасываемую мною неподвижную

ть.

Уже со следующего утра я начал писать. Да нет же, не писать, а наговаривать пьесы и стихи – записывали их другие. Слова изливались из меня, как летний ливень из тучи, – но записывали другие, чаще всего не занятые в сцене актеры. Что ж делать, в стратфордской грамматической школе я научился быстро читать и славно декламировать – и по-английски, и на латыни; развил в себе умение – на слух ли, с листа – схватывать крепко и навсегда огромные куски текста. Но пишу всю жизнь медленно и коряво, как неграмотный.

И стесняюсь этого.

И даже никогда не беру в долг, чтобы не мучиться и не краснеть при написании расписок.

Да, умелость рук и пальцев мне не свойственна, но ловкость языка – возмещает это с лихвой!

Зато не стеснялся и не краснел, когда заимствовал сюжеты и поэтические приемы у всех этих университетских умников: Лили, Пиля, Лоджа, Кида, Грина... Даже воровал у них, потому что заимствует, дрожа от робости, бездарность; талант же, опьяненный дарованной ему Богом безнаказанностью, – беззастенчиво ворует!

Я подражал Марло, напропалую цитировал Овидия и Плутарха, а презираемая и обожаемая мною публика сходила с ума от восторга, заполняла театры и несла, несла, несла денежки.

Разгоряченный успехом первого показа «Юлия Цезаря», нетерпеливо ожидая, пока посланный в таверну мальчишка принесет мне хересу, я не признал подростка Ратленда в том болезненного вида вельможе, который умудрился откинуть полог ножами шпаги... а ведь полог, помнится, был тяжеленный...

С того представления в Гринвиче прошло десять лет, во множестве запахов, наполнявших театр «Глобус», еще витала та свежесть камня, дерева и извести, которая не позволяет присвоить только-только выстроенному зданию намекающее на долговечность звание «недвижимость» – а потому двери в каморки, занимаемые пайщиками-актерами труппы «Слуги лорда-камергера», среди коих в то время был и я, решили навесить когда-нибудь потом, когда доходы станут осязаемыми; пока же обходились пологом из на редкость грубой мешковины, кусавшим мои руки всякий раз, как приходилось его откидывать.

Да если б даже не только кусал, но и ел бы – да пусть, пусть, пусть! Ведь подобно тому, как злобный пес стережет хозяйский дом, подобно тому, как суровый брат охраняет честь сестры, полог оберегал неприступность моей комнатухи – а я любил ее, эту мою первую лондонскую собственность, эту куцую совокупность квадратных футов!

«Сын ремесленника», «торговец шерстью», «деревенский учитель», «помощник адвоката» – так толкуют обо мне те из соперников-драматургов, кто считает мои пьесы мурой,

однако воздаст должное хоть в чем-то, например, ценит мастерство с которым сочинены полные эротического огня поэмы «Венера и Адонис» и «Обесчещенная Лукреция».

Я предусмотрительно посвятил их тому самому юнцу, графу Саутгемптону, у которого потом пробыл какое-то время проворным парнем на побегушках, – и не пожалел о посвящении, ибо был вознагражден пусть не очень щедрой, но все же ощутимой суммой.

«Деревенщина, коновод» – а вот так меня клеймят те, кто не желает замечать даже мою вежливость, приятность в разговоре, обходительность манер; тот минимум миниморум, без которого трудно не быть битым или – как Марло – убитым буйными лондонцами.

Так и заткнитесь же теперь, когда я пайщик нового театра, актер, пусть и на вторых-третьих ролях, лучшей английской труппы и автор пьес, на представления которых ломаются!

Все это так, однако труппа завтра может внезапно распаться, через месяц пьесы мои (вдруг!) могут быть освистаны – но комнатушка! Комнатушка – это другое, это когда и через год, и через десять лет на вопрос: «А здесь кто одевался перед выходом на сцену и пил херес после представления?» последует ответ: «Уилл Шакспер из Стратфорда-на-Эйвоне, ставший знаменитым Shakespeare!»

Как же я был тогда еще полон сил, гибок и счастлив... в тот вечер, когда худощавый вельможа ловко и небрежно отодвинул полог – ровно настолько, чтобы грубая мешковина не

смогла куснуть широкие края его шляпы:

– Граф Ратленд! Друг графа Саутгемптона, которому ты помогал обтяпывать кой-какие делишки.

Да, у него был болезненный вид. О нем болтали многое, актеры труппы «Слуги лорда-камергера» вообще с удовольствием перемывали аристократам косточки – и Роджеру Мэннерсу, 5-му графу Ратленду, магистру искусств Кембриджа и Оксфорда, почему-то доставалось больше всех. Особенно упоенно болтали о тягчайшей лихорадке, едва не уморившей его в Падуе, куда он направился, дабы получить там юридическое образование. Диагноз был вынесен молвою: «Французская болезнь!» – однако он выжил, вернулся, жил дальше, даже собирался, как поговаривали, жениться – и ничего сифилитического в его облике не было. Ни тщетно запудриваемых язв, ни гниющего носа. Была только болезненность и крайняя умеренность в еде и питье...

И про женитьбу сплетничали.

Хотя любовь его к невесте, дочери великого военачальника и поэта Филипа Сидни, падчерице графа Эссекса, казалась искренней; хотя невеста – крестница королевы, названная в ее честь, – светилась, когда смотрела на жениха, все вокруг твердили упрямо: «Странная пара!»

Помнится, я не успел поклониться и произнести: «Счастливым вашим посещением, милорд!» – он продолжил, захватив и оттянув нижнюю губу:

– Я сказал тебе десять лет назад, что ты... э-э-э... много-

обещающ...

А вот тут уж успел:

– Счастлив вашим посещением, милорд! Вы пришли сказать, что ваше доброе предсказание исполняется? Вам понравилась моя пьеса? Было ли достойным представление?

– Неплохо, хотя...

Он мямлил почти неразборчиво, и приходилось напрягаться, чтобы понять...

– Хотя... э-э-э... единственный живой кусок – это монолог Антония с хорошо придуманным рефреном: «Но Брут назвал его властолюбивым, а Брут весьма достойный человек». Все остальное – мертвечина. Представление? – Что ж, обычные завывания без страсти, рыдания без слез и умничанье без ума...

Почему же, господи ты боже мой, я почувствовал себя тогда так, будто был прочно насажен на острие копья?

– Однако сейчас меня интересует... э-э-э... другое. Пару лет назад побывал в Нориче, где давали твоего «Ричарда Третьего». Это было получше, чем сегодняшний «Юлий Цезарь», чувствуется, что наши английские дразги волнуют тебя сильнее, чем стародавние римские. Но злодей Глостер... э-э-э... вызывает у зрителя симпатию. Конечно, злодеи всегда интереснее... э-э-э... праведников, а незаурядный... э-э-э... мерзавец всегда ярк на фоне толпы мерзавцев заурядных...

Ох, да не в силах уже я был терпеть его идиотскую манеру

произносить слова так, словно во рту каша! Нет! – даже не каша, а полусырая крупа, которую он, доваривая ее на малом огне своего темперамента, помешивает ленивым языком!

– А был ли Глостер злодеем и отъявленным мерзавцем, милорд? Учтите, кровожадным убийцей его изобразил Томас Мор, ненавидевший Йорков. Неужели и вы разделяете его чувства? Странно для йоркширца, ведь мы, йоркширцы – всегда за Йорков, так же как люди из Южной Англии – всегда за Ланкастеров. Но вот ведь ирония истории, милорд, в результате пришлось сойтись на Тюдорах... как любят говорить в Стратфорде-на-Эйвоне, ни нашим, ни вашим. Подговаривал ли Глостер предателя Бэкингема – а Бэкингемы всегда предатели, таково их родовое родимое пятно – умертвить своих племянников, доподлинно не известно... В моей пьесе не говорится ни да, ни нет. Был ли Ричард уродом, каким описал его Мор? – тоже вряд ли, а потому я из осторожности сделал его всего лишь «не красавцем». И вообще, милорд, у меня возник замысел создать пьесу не столько о Ричарде Глостере, сколько о человеке, за которым английский трон буквально семенил следом, как голодная собачонка, а английская корона, как пьяная распутница, предлагала взять ее задаром и поскорее. Он и поддался соблазну, забыв, что Фортуна гораздо чаще дьявольски искушает, чем божественно благоволит.

– Да-да, ты красноречив, но не трудись попусту. Замысел... э-э-э... пьесы становится ясен после первых же ре-

плик, но именно он Саутгемптона и меня не устраивает. Я сяду. Разговор у нас будет долгим.

Уфф-ф! Не помню, сел ли я тогда, но сейчас остановился от возмущения, вспомнив все так, будто услышал воочию и впервые. Каково?! Этим высокородным хлыщам, видите ли, не нравился мой замысел! По их кембриджскому, магистерскому разумению, я, деревенский недоучка, должен был расшаркаться, попросить поучить меня уму-разуму, а потом еще и воспеть их просветительский дар?! Клянусь, мне очень хотелось ответить Ратленду памятно для него, с удвоенным, в сравнении с уже им отмеченным, красноречием!.. но тут мальчишка принес херес, получил свои полпенни за услужливость – и, даже не предложив гостю присоединиться, я присосался к горлышку.

Хотя на виду стояли посеребренные кубки...

Он оценил!

– На здоровье, сэр Джон Фальстаф! Bravo, Уилл! Я давно заметил... э-э-э... что на сцене ты особенно убедителен, когда якобы пьянствуешь. Чувствуется, что этому-то действию ты отдаешься целиком.

Что ж, шутка была неплоха, а вино – так и превосходно. Помнится, я подобрел, как всегда после хорошего глотка хереса, – и уселся поудобнее:

– А что именно – вас, милорд, и графа Саутгемптона – не устраивает в моем замысле?

И вдруг он перестал мямлить, а заговорил твердо и властно.

– Нам необходимо, чтобы зрители, глядя на Ричарда, ужасаясь Ричарду, ненавидя Ричарда, видели в нем хромого горбуна Роберта Сесила, Сесила-младшего, год назад ставшего государственным секретарем.

Кой черт, уселся поудобнее! Вскочил – и забегал по комнатушке. И закричал:

– Вы обезумели! Вы обезумели настолько, что считаете безумными и всех вокруг! Мы, актеры труппы «Слуги лорда-камергера», будем намекать на уродство и дурные наклонности Лорда-хранителя Малой печати? Да он уничтожит нас – сначала скопом, а потом поодиночке!

– Ничуть...

Да, теперь он не мямлил, зато морщился и потирал правый бок.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.